

ПРИМОРСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Татьяна
ПОЛЯКОВА

Анна и Сергей
ЛИТВИНОВЫ

Евгения
МИХАЙЛОВА

и другие :-)

**Татьяна Викторовна Полякова
Дарья Александровна Калинина
Наталья Николаевна Александрова
Евгения Михайлова
Анна и Сергей Литвиновы
Приморский детектив
Серия «Великолепные
детективные истории»**

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38611285
Приморский детектив. Сборник рассказов: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-103774-1*

Аннотация

Целый год мы с нетерпением ждем летнего отпуска, чтобы наконец увидеть море, удобно устроиться на шезлонге под зонтиком и забыть обо всем под плеск ласковых волн. А компанию составят любимые писатели, чьи рассказы вошли в новый сборник «Приморский детектив», – Татьяна Полякова, Анна и Сергей Литвиновы, Евгения Михайлова и другие известные авторы. Ведь где, как не на солнечном курортном берегу, кроются самые жгучие тайны!

Содержание

Наталья Александрова	6
Евгения Михайлова	44
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Наталья Александрова,
Дарья Калинина, Татьяна
Полякова, Анна и
Сергей Литвиновы,
Евгения Михайлова
Приморский детектив
*Сборник рассказов***

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Наталья Александрова

Чайки над пляжем

Сазонов осторожно, стараясь не сильно шуметь, повернул шезлонг так, чтобы увеличить обзор, и принял самую расслабленную позу. Нет, все равно что-то не так. Ага, ветер так задувает, что не расслабишься. На улице середина мая, а ветрюган такой холодный, весна, называется. Хоть солнце светит, на пляж не выйти, ну, в нашем климате дело обычное, на Балтике часто так бывает.

Вчера у Сазонова мелькнула идиотская мысль попробовать войти в море. Все же, если живешь возле синего, с позволения сказать, моря, буквально на пляже, надо этим пользоваться. Он разделся, дошел до линии прибоя, отмеченной полоской водорослей, и даже сделал шаг в воду... но тут же выскочил, как ошпаренный. Вода была просто ледяная. Она обжигала, от нее перехватывало дыхание.

Однако сегодня все же нашелся смельчак, который не побоялся в эту воду войти. Точнее, нашлась. Худая высокая старуха, вчера приехавшая в санаторий, быстрыми шагами пересекла пляж, сбросила длинный темно-красный халат и решительно вошла в воду.

Сазонов ждал, что она тут же выскочит с оглушительным визгом – но этого не случилось: старуха бодро прошла по

отмели, миновала торчащий из воды камень и окунулась в волны.

Сазонову от одного ее вида стало холодно. Он укутался в плед, любезно оставленный рядом с шезлонгом, и надел темные очки. Отсюда ему отлично видна почти вся территория, а его никто не заметит.

Ага, вон тот объект как раз вышел из процедурного корпуса. Остановился и вдруг поднял руку ладонью вверх, потом махнул два раза. Сазонов напрягся и вытянул шею – кажется, это то, что нужно.

– Вы опять не пошли на гидроаэробiku! – прозвучал рядом высокий пронзительный голос.

Сазонов едва удержался, чтобы не вздрогнуть. Ну как это у нее получается – подкрадываться бесшумно! Вроде бы не пушинка, ходит вперевалку, топает иногда как слон, а вот поди ж ты...

Он не пошевелился в тщетной надежде, что она посчитает его спящим и деликатно уйдет. Ага, как же. Она плюхнулась на соседний шезлонг, который жалобно скрипнул под ее солидным весом, и тут же пихнула его в плечо.

– Так отчего вы не пошли на гидроаэробiku? Я знаю, что вы не спите, не притворяйтесь!

– А? Что? – Сазонов снял темные очки. – Вот как раз задремал, а тут вы...

Он сразу же понял, что с ней можно не стесняться, намеков она не понимает, зато и не обижается.

– Не люблю бассейны, – соврал он, – у меня на запах хлорки аллергия. Глаза краснеют, и тело чешется. Прямо как будто чешуей покрываюсь... – нарочно добавил он.

Эта болтушка разнесет про его аллергию по всему санаторию, и возможно, это отпугнет от него кое-кого из слишком активных дам. Скучно в санатории, вечерами делать нечего, а тут мужчина молодой и одинокий, вот они и липнут. А ему не до них совсем, не для того он тут торчит, чтобы романы с дамочками не первой свежести заводить.

Он скосил глаза на свою соседку.

Да уж, про эту не подумаешь, что она на него глаз положила, уж очень несуразная. Носик пуговкой, глаза круглые, да еще подводит их, так что вообще на сову похожа. Рот сердечком накрашен, а волосы какого-то ультрарыжего цвета, придет же в голову так покраситься. Спереди зализаны, на затылке фига какая-то скручена, а на лобик узенький два локончика выпущены. Мать Сазонова, помнится, называла их «завлекушечки». Да уж, не женщина, а картина маслом.

Голос высокий, визгливый небось, когда кричит, одевается жутко. Сегодня, к примеру, на ней что-то пестро-клетчатое, в таком прикиде хорошо Рэмбо изображать, в джунглях не видно будет, попугаи за своего примут.

Сазонов поначалу хотел ее отвадить, да понял, что она может быть полезна: когда она с ним, то другие не лезут. А что болтает много, так можно не слушать. Просто отключиться.

И, справедливости ради, не только возле него она отира-

ется, с разными людьми общается, так что иногда и отдохнуть от нее можно. Да только он-то не отдыхать сюда приехал, у него работа...

Сазонов отвернулся и посмотрел вниз. Его объект как раз сворачивал за процедурный корпус с самым подозрительным видом.

– На свидание побежал, – сообщила Марианна, перехватив, надо думать, его взгляд. Это плохо, подумал Сазонов, нужно за собой следить, не то объект может его раскрыть раньше времени.

– Какое свидание? – До него дошел смысл ее слов с заметным опозданием.

– У него тут любовница, – Марианна смотрела на него невозмутимыми круглыми глазами, не моргая, как сова.

– Какая еще любовница? – Сазонов отмахнулся. – Он же только вчера приехал!

– Она тоже приехала. Это Юлия.

Юлия была молодая и довольно интересная шатенка, которую привез вчера муж на дорожке машине с охраной.

– Ну надо же... – протянул Сазонов. – Не верится как-то, она такая... а этот...

– Олег Кисин, – подсказала Марианна, – да, видок у него неказистый, однако любовь зла!

– А отчего же они так шифруются, муж-то уехал давно? – невольно спросил Сазонов.

Собственно, интереса у него не было никакого, если Ма-

рианна права, то этот самый Олег Кисин не его объект. Равно как и Юлия, хотя она тоже приехала вчера.

– А муж ее Лизавете денег дал, чтобы она его женушку тут контролировала, – сообщила Марианна и вытащила из кармана дешевую карамельку. – Будете?

– Да нет! – отмахнулся Сазонов.

Лизавета работала администратором, то есть сидела за стойкой в главном корпусе, кроме этого ее можно было встретить повсюду, и что самое удивительное, одновременно. И в бассейне, и в сауне, и на приеме у врача, и в столовой. Везде она успевала сунуть свой длинный, шевелящийся, как у крысы, нос. Иногда Сазонову казалось, что Лизавета не одна, что у нее есть несколько клонов.

– Вы точно знаете? – спросил Сазонов расстроенным голосом, выходит, зря он полдня высматривал этого Кисина.

– Ага, – невнятно ответила Марианна, запихнув в рот конфету, – я слышала... я слышала, как они договаривались. Обычная услуга, Лизавета берет по-божески, тыщу рублей в день. Зато полный отчет предоставляет, все двадцать четыре часа в сутки – когда жена встала, что ела, куда ходила, с кем разговаривала... все записано и подсчитано. Так что шифруются голубки наши, вот, в процедурном корпусе после обеда никого не будет, так они там...

Сазонов утешил себя дежурной фразой, что отрицательный результат – это тоже результат, и пригласил Марианну в столовую. Дескать, пораньше пойдем, места удобные зайдем

и так далее.

После обеда в санатории полагался тихий час, а потом Сазонов вышел из жилого корпуса, пошел по дорожке из серых гранитных плиток через дюну. На песке были видны следы чаек, словно клинописные письма на каком-то давно забытом языке, но ветер на глазах заглаживал, зализывал их до полной неразборчивости, увеличивая сходство с древними письменами. Еще немного – и от этой клинописи ничего не останется. Сами чайки парили над пляжем, покачиваясь, купаясь в ветре, беззастенчиво нарушая законы физики.

Сазонов дошел до приземистого здания кафе, вошел внутрь, занял столик в самом углу, откуда можно было наблюдать за всеми, оставаясь при этом незаметным. К нему тут же подошла официантка Мила, остановилась, наклонив голову к плечу и накручивая локон на палец, спросила грудным чувственным голосом:

– Что для вас сделать?

Сазонов предпочел не заметить двусмысленности и проговорил намеренно сухо:

– Американско.

– Чего-нибудь в него добавить? – промурлыкала Мила, наклонившись так, чтобы вырез блузки оказался прямо перед его глазами.

Сазонов взглянул непонимающе, и она пояснила:

– Молока, сливок, корицы?

– Нет, спасибо, просто черный кофе.

Мила разочарованно вздохнула и удалилась.

Сазонов оглядел зал.

Кроме него в кафе присутствовала Нина Петровна – полноватая, ярко одетая дама лет пятидесяти с небольшим, выкрашенная в принципиальную блондинку. Рядом с ней сидела молодая женщина, очень на нее похожая, с озабоченным лицом.

Подошла Мила, поставила на столик перед Сазоновым кофе, промурлыкала:

– Еще что-нибудь?

Сазонов не успел ответить, потому что рядом с ним неизвестно откуда появилась Марианна, плюхнулась на свободный стул и произнесла своим резким высоким голосом:

– Больше ничего, Милочка!

В ее исполнении имя официантки прозвучало почти оскорбительно. Мила фыркнула, но прежде чем удалиться, сухо осведомилась:

– Вы-то заказывать что-нибудь будете?

– Мороженое... – выпалила Марианна и тут же нехотя добавила:

– Низкокалорийное.

– Сорбет? – уточнила Мила и наконец ушла.

Сазонов тяжело вздохнул и повернулся к Марианне. Сейчас ее волосы были собраны в сложную конструкцию на макушке и перехвачены широкой зеленой шелковой лентой. Сазонов подумал – и почему это все рыжие женщины увере-

ны, что им идет зеленое? Впрочем, про эту и не скажешь, что хочет прихорошиться, такое впечатление, что одевается нарочно хуже некуда. Вот сейчас на ней какой-то бесформенный балахон цвета болотной тины, а на ногах розовые кроссовки, да еще никак со стразами... Ох, грехи наши тяжкие!..

Больше ничего подумать он не успел, потому что Марианна уставилась на его чашку совиными глазами и протянула:

– Так-так!

Сазонов усмехнулся:

– Надеюсь, вы не выдадите меня Ван Санычу?

Иваном Александровичем звали здешнего лечащего врача, и он строго-настрого запретил своим пациентам пить кофе. Дескать, мы тут вас лечим, а вы...

– Я никогда не стучу! – в голосе Марианны прозвучала обида. – Тем более на друзей!

– Если не пить кофе, – произнес Сазонов с тяжелым вздохом, – зачем тогда вообще жить?

– Ну, для этого могут быть разные причины... – взгляд Марианны затуманился.

Впрочем, она тут же собралась, пригнулась к Сазонову и зашептала с интимным придыханием:

– Вот, кстати, Нина Петровна... она явно не так проста, как кажется. Далеко не так проста!

– Кто? – удивленно переспросил Сазонов. – Нина Петровна?

– Именно! – Марианна выразительно замолчала, и Сазо-

нов невольно взглянул на Нину Петровну и прислушался к ее разговору.

– Нет, я тебя не обманываю! – говорила та, обращаясь к дочери. – Мне действительно лучше!

Нина Петровна замолчала, словно ей не хватило воздуха, прижала руку к груди и страдальчески поморщилась.

– Мама, тебе плохо? – забеспокоилась дочь. – Может быть, позвать врача?

– Да нет, говорю же тебе, мне гораздо лучше! Я могу хоть завтра вернуться в город... тебе ведь очень трудно без моей помощи! Как ты управляешься с детьми?

– Прекрасно управляюсь! – отмахнулась от нее дочь. – Если понадобится, я позвоню Инессе...

– И что с ней не так? – вполголоса спросил Сазонов.

– Неужели неясно? – Марианна захлопала глазами, как сова из мультфильма. – Никакая она не сердечница!

– Да что вы говорите? – Сазонов скептически взглянул на Марианну. – Не может быть... ну как же... одышка и прочее... опять же лекарства сердечные постоянно принимает... и вообще – это же кардиологический санаторий!

– Это все напказ! – прошипела Марианна. – Я проследила за ней. Когда ее никто не видел, она поднялась на четвертый этаж и даже не запыхалась! Да еще и напевала при этом!

– Напевала? – переспросил Сазонов, чтобы показать, что он слушает. – Что напевала?

– «Миллион алых роз» – представляете себе?

– Не представляю... – честно ответил Сазонов и снова посмотрел на Нину Петровну. Марианна что-то в него заронила, и ему теперь казалось, что в поведении женщины и правда есть что-то фальшивое, ненатуральное. Может быть, она и есть... объект? Да нет, ерунда! Такая тетка обычная, в возрасте уже...

– Вы скажете – а как же лекарства? – не унималась тем временем Марианна.

– Да, действительно... – Как раз в это время Нина Петровна вытряхнула на ладонь таблетку и забросила в рот.

– А вы видели, какого цвета у нее таблетки?

– Какого? – недоуменно переспросил Сазонов.

Марианна вытаращила круглые глаза, округлила рот и выдала страшным шепотом:

– Желтые!

– Ну, кажется, и правда желтые... – пробормотал Сазонов. – Ну и что с того?

– Как вы не понимаете! Вот вы принимаете сердечные лекарства – какого они цвета?

– Белые... – ответил Сазонов после недолгого размышления. Он понятия не имел, какой ответ правильный, и выдал тот, что показался ему наиболее вероятным. И кажется, угадал.

– Вот именно – белые! – прошипела Марианна. – Конечно, белые! Какие же еще?

– Но может, у нее какие-то другие?..

– Все сердечные таблетки белые! – безапелляционно проговорила Марианна.

– Вы уверены?

– Само собой! А желтые знаете какие?

– Понятия не имею.

– Так посмотрите! – Марианна вытащила из кармана прозрачный пузырек, до половины заполненный крупными желтыми пилюлями. – Похоже на ее лекарство?

– Очень похоже... – признал Сазонов. – Ну вот, видите... значит, желтые тоже бывают.

– Бывают, да только не те! – Марианна повернула пузырек другой стороной, так что Сазонову стало видно название – мультивитамины, и еще какие-то латинские буквы...

– Она насыпала витамины в пузырек от сердечного лекарства! – победным тоном прошептала Марианна.

– Ну и зачем все это? – недоуменно протянул Сазонов.

Он насторожился – ему в голову пришло вполне реальное объяснение. Хотя... нет, не похоже...

– А вы не понимаете? – Марианна снова округлила глаза и рот.

– Да где уж мне... – проворчал Сазонов.

– Да, действительно, – Марианна, похоже, не заметила в его голосе иронии, – вы – мужчина, вам такое трудно понять... она сюда приехала отдохнуть от домашней работы, от внуков, от семейных проблем... прямо сказать ей было неудобно, вот она и изображает сердечницу. А дочь ее еще

и навещает – ну как же, бедная мамочка...

– Вы так думаете?

Сазонов больше не мог выносить непрерывную болтовню Марианны. Он взглянул на часы и ахнул:

– Ой, мне пора на процедуры... с вами, конечно, приятно поговорить, но все в этом мире кончается! – он поднялся из-за стола и быстро направился к выходу.

Марианна хотела вскочить и последовать за ним, но в это самое время Мила принесла ей креманку с мороженым. Марианна с сожалением взглянула вслед Сазонову, перевела взгляд на мороженое, вздохнула и осталась, решив, что синица в руке лучше любого журавля.

А Сазонов вышел на пляж и медленно пошел по нему.

Ветер стал еще сильнее. Чаек это, похоже, ничуть не беспокоило. Они плавали в воздухе, чуть пошевеливая крыльями. Вдруг одна из них резко устремилась вниз, к воде, чиркнула по поверхности и снова взмыла. В когтях у нее серебристо сверкнула рыбешка.

Выходит, эти чайки не просто плавают в воздухе – они охотятся.

Сазонов подумал, что и сам, как эти чайки, – с виду бездельничает, убивает время, а на самом деле следит за другими пациентами санатория, чтобы узнать того единственного, который...

Он вернулся к тому, что рассказала ему Марианна.

Нина Петровна – не тот человек, за кого себя выдает. Так,

может, она и есть...

Нет, ерунда, этого не может быть. Марианна, заронив в него подозрения, сама же и выдала вполне логичное объяснение. Женщина устроилась в санаторий просто для того, чтобы вырваться из круга домашних дел и забот, передохнуть...

Нет, конечно, ее можно вычеркнуть из списка подозреваемых.

Итак, его список становится все короче, и будем надеяться, что это приближает его к разгадке.

Сазонов подошел к дощатому сарайчику, в котором, надо думать, хранились шезлонги и нехитрые орудия для уборки пляжа. Сейчас на двери сарая висел большой замок, в такую холодину на пляже не было ни души. Даже ненормальная моржиха Инна Михайловна купается только один раз в день, утром. Сазонов прислонился к двери, чтобы укрыться от ветра, и стал думать.

Значит, он точно знает, что его объект приехал в санаторий только вчера. Вчера сюда приехали шестеро, трое мужчин и три женщины. Он-то больше к мужчинам приглядывался, для его дела мужчины как-то больше подходят.

Итак, двоих, Кисина и эту красотку Юлию, можно исключить, в данном случае Марианна права. Хотя у него, Сазонова, в голове не укладывается, что Юлия в этом типе нашла. Какой-то он неказистый, незаметный, кисляй в общем. Вот именно, фамилии своей соответствует.

Далее, Нину Петровну, пожалуй, тоже можно исключить, опять-таки Марианна его убедила.

Остаются трое – двое мужчин и эта самая старуха, Инна Михайловна. Которую, разумеется, тоже можно исключить, поскольку бабка помешана на здоровом образе жизни, хочет прожить сто лет, а для этого истязает себя купаниями в ледяной воде и бегом по пересеченной местности. Опять же, мяса не ест, и даже чаю крепкого не пьет, как раз вчера на эту тему за ужином распиналась.

Итак, остаются двое подозреваемых мужского пола. Первый – Василий Керзун, на вид лет сорок пять, может, чуть больше, выглядит неважно – бледный, глаза бегают, за сердце часто хватается, вздрагивает от громких звуков. Может, и правда человек болен? А про второго Сазонов и не знает ничего. Видел вчера какого-то мужика, приехал он не на своей машине и не на автобусе, а на такси, оформлялся, когда все остальные на процедурах были. Надо бы на ресепшен посмотреть, кто такой, там ведь небось паспортные данные есть.

Ему не повезло, Лизавета сидела за стойкой. Тут же отиралась Марианна и тараторила что-то. Лизавета делала вид, что слушает, и даже кивала в нужных местах.

– Андрей Палыч! – высоким голосом закричала Марианна. – Вот мы с Лизаветой хотели у вас спросить...

Сазонов тут же перехватил взгляд Лизаветы, из которого

явствовало, что она лично ничего от Сазонова не хочет, а хочет, чтобы все убрались с ресепшен, особенно Марианна.

– Чем могу помочь, девушки? – Сазонов изобразил приятную улыбку, но Марианна уже отвернулась от него и набросилась на проходившего мимо Кисина.

– Ой, Олежек, а куда это вы такой нарядный?

Кисин, стремившийся проскользнуть через холл как можно незаметнее, сделал вид, что не слышит, и убыстрил шаг. Лизавета тут же повернулась в его сторону и зашевелила длинным носом, став похожей на крысу.

– И куда это он так торопится? – задумчиво сказала Марианна. Лизавета сорвалась с места и побежала к выходу, Марианна устремилась за ней с грацией молодого бегемота.

Компьютер был включен, Сазонов без труда нашел список поступивших вчера отдыхающих и переснял его на свой телефон, после чего отправился к себе.

Вот они, голубчики, все тут в количестве шести штук. Второго подозреваемого звали Евгений Потапов.

Сазонов набрал один номер и, когда там ответили, попросил проверить этих двоих по всем известным базам. Заодно и Кисина, на всякий пожарный случай.

Ответ пришел быстро. На Потапова на первый взгляд ничего особенного не было, а вот Василий Керзун оказался темной личностью. То есть не Василий Керзун, а тот, кто себя за него выдавал. Потому что Сазонову прислали однозначный ответ, что Керзун Василий Леонидович, такого-то

года рождения, уже несколько месяцев находится за границей, работает там по контракту. И возвращаться в ближайшее время не собирается.

Стало быть, вот он, его объект, по чужим документам в санаторий приехал. Подозрительно, конечно, однако Сазонов представил себе этого Керзуна. Худой, бледный, щеки ввалились, вздрагивает все время, по сторонам оглядывается, голову в плечи втягивает – словом, ведет себя так, что любой заметит – совесть у него нечиста. Неподходящий, в общем, тип для важного и опасного дела, никакой человек в здравом уме его не наймет.

Сазонов подождал еще немного, и тогда пришел ответ на расширенный поиск. Там говорилось, что Василий Керзун уехал за границу с женой и ребенком, а здесь из родственников у него осталась мать и двоюродный брат, Николай Симаков.

Сазонов посмотрел на фотографию и узнал его. Значит, вот так. Взял паспорт своего двоюродного брата. Очень умно. То есть глупость несусветная. Что-то тут не то.

За ужином он выбрал столик поближе к Керзуну. Тот сидел один, никакие дамы к нему не клеились, видно, не считали подходящим для легкого флирта. Сазонов, хотя и не был дамой, был с ними в этом вопросе согласен.

Кормили в санатории хорошо, к ужину подавался десерт, и возле столика Сазонова возникла Марианна, держа в ру-

ках блюдечко с куском кекса. Сегодня на ней был такой же длинный бесформенный балахон, как всегда, но не болотно-го цвета, а густо-зеленого, такой краской был выкрашен забор перед КПП, когда Сазонов давным-давно служил в армии. В ушах Марианны висели серьги, напоминающие перекрученную колючую проволоку. Не спросив разрешения, она плюхнулась на соседний стул и как обычно начала болтать.

– Нина Петровна поссорилась с дочерью, та пошла к врачу, чтобы выговорить ему, что ее мать плохо лечат, а он рассердился и сказал, что ее мамаша ничем не больна. Так и сказал – хоть сегодня в космос посылай. Был жуткий скандал, путевку-то они покупали за полную стоимость... вы не слушаете, вам неинтересно?

– Ага, – честно ответил Сазонов, – про Нину Петровну мне неинтересно.

Марианна поерзала на стуле, доела кекс и отхлебнула чая из чашки Сазонова. Затем нагнулась, поправляя пряжку на туфле, и зацепилась серьгой за поношенный и мятый джемпер Василия Керзуна, который допивал чай за соседним столиком.

– Ой! – заверещала Марианна. – Что делать?

Керзун вздрогнул и завертел головой, отчего серьга еще больше запуталась. Тогда он был вынужден нагнуться и освободить этот кусок скрученной проволоки.

– Василий... – проворковала Марианна, – вас ведь Васей

зовут? Слушайте, у вас брата нету? Знала я одного Керзуна... вроде бы вашего возраста... как же его звали-то... Ваня... Витя... Володя... помню, что на «В»... о, Вася! Точно, он Василий был, мы с ним... ой, так вы ведь тоже Василий?

– Это не я! – голос Керзуна, или кто он там на самом деле, сорвался почти на визг.

Он вскочил и побежал к выходу из столовой.

«Спугнула, дура такая!» – мысленно рявкнул Сазонов и пошел следом за Керзуном, стараясь идти не торопясь. Поужинал человек да и пошел себе прогуляться перед сном.

Керзуна он нашел на пляже, тот тряс дверь сарайчика, не замечая, что она заперта на висячий замок.

– Ну что, Николай? – спросил Сазонов, подойдя неслышно. – Раскрылся твой маскарад, так что живо признавайся во всем! Запираться бесполезно. Где она?

– Не... не знаю... – промямлил Николай дрожащим голосом, – я думал, это она вас послала...

– Кто? – насторожился Сазонов. – Кто она? Ты кого вообще имеешь в виду?

– Она, жена моя бывшая. И теща Ираида Вик... Вик...

– Да не икай ты, говори толком! – для убедительности Сазонов тряхнул этого рохлю как следует. И услышал следующее.

Николай Симаков был мужчина робкий и стеснительный, жил с мамой, женщиной властной, и привык во всем ей подчиняться. А потом мама умерла, и Николай несколько расте-

рылся. Жил он теперь один в хорошей двухкомнатной квартире в центре. Потолки высокие, окна выходят на Фонтанку, как раз напротив цирка, так что летом даже слышно, как львы дрессированные рычат. Или тигры, кто их там разберет.

Короче, через несколько месяцев одинокой жизни Николай затосковал и оголодал, так что когда бывшая сослуживица познакомила его со своей подругой, он решился и сделал ей предложение, поскольку готовила подруга отлично и вообще поначалу проявила себя с самой положительной стороны.

Сазонов только вздохнул, зная уже, что было дальше.

Все было неплохо, пока не приехала из далекой провинции теща. Ей зять сразу не понравился, и она задумала от него избавиться. Но при разводе дочке бы ничего не обломилось, тогда теща решила его, Николая, посадить. А потом выписать из квартиры. В общем, пару раз она вызывала патруль, разорвав на себе халат и расцарапав лицо, потом отлупила дочь и свалила все на Николая. Его забрали и продержали в камере одну ночь, потом выпустили, потому что нашелся среди ментов приличный человек, который осмотрел руки Николая и тещи. У него-то руки чистые, а у тещи все в ссадинах, она голыми руками дочку и била. Тот мент сам был со своей тещей на ножах, оттого и помог.

Дело заводить не стали, жена заявление забрала. Но на Николая ночь в камере произвела такое неизгладимое впечатление, что он понял: второго раза просто не выдержит. А

теща поклялась, что его посадит. Она, может, дочери родной не пожалеет, не баба, а терминатор.

В общем, он сбежал из собственной квартиры в чем есть и поселился у тетки. С работы пришлось уволиться, эти две ведьмы его и там нашли бы. Приходили они и к тетке, но не на ту напали, отбилась тетка, да еще сосед помог, бывший боксер, у него внешность впечатляющая. У тетки в беседе нашлась знакомая, она путевку в санаторий достала, вот он и поехал отсидеться.

– Что, так и будешь по чужому паспорту жить, от всех прятаться? – вздохнул Сазонов, понимая уже, что с этим Симаковым дохлый номер. Не его объект.

– Мне только до конца путевки, а потом с теткой в деревню поеду, у нее дом в Псковской области, там даль такая, никто не найдет. А в сентябре Василий вернется, у него адвокат знакомый есть...

«Ладно, – подумал Сазонов, – остался только Потапов».

После завтрака Сазонов следил за Потаповым. На первый взгляд ничего подозрительного Потапов не делал – прогулялся по пляжу, кинул камешек в сторону нахальных чаек, которые рвали друг у друга кусок тухлой рыбы, затем посмотрел на часы и пошел в сторону процедурного корпуса.

В холле никого из знакомых не было. Потапов свернул в коридор, ведущий к процедурным кабинетам. Сазонов выждал несколько секунд и последовал за ним. Но едва он зашел за угол, как на него налетела Инна Михайловна – та са-

мая героическая старуха, которая не боялась входить в ледяную воду каждое утро.

На этот раз в ней не было ничего героического – лицо ее было покрыто красными пятнами, губы тряслись, в глазах плескалась паника.

– Пойдемте! – вскрикнула она, схватив Сазонова за руку. – Пойдемте со мной скорее!

– В чем дело? – Сазонов попытался вырвать руку, но Инна Михайловна вцепилась в него мертвой хваткой и тащила вниз, к полуоткрытой двери, за которой находилась сауна.

– Скорее! – лепетала она дрожащим голосом. – Кажется, он мертв... убит...

– Кто?! – переспросил Сазонов, хотя догадка у него уже мелькнула. Он перестал сопротивляться и бросился туда, куда волокла его перепуганная женщина.

В голове билась отчаянная мысль – он не уследил за Потаповым, того убили, и теперь операция сорвана...

– Он здесь... – бормотала Инна Михайловна, подталкивая Сазонова к двери. – Может быть, ему еще можно помочь... надо проверить пульс... я не решилась...

Сазонов подумал, что Инна Михайловна производит впечатление решительной женщины, не склонной к панике – но внешность бывает обманчивой. Они вошли в сауну. Внутри никого не было. Сазонов увидел несколько кабинок, одна из них была открыта, за дверью виднелась какая-то бесформенная груда.

– Здесь, здесь! – повторила Инна Михайловна.

Сазонов вошел в кабинку, наклонился. На деревянном полу действительно лежала какая-то груда, прикрытая махровым халатом. Сазонов сдернул этот халат, увидел под ним несколько смятых полотенец и в недоумении повернулся к женщине:

– Что за ерунда? Зачем вы меня сюда привели?

И успел увидеть ее лицо, на котором не было и тени паники – только холодное расчетливое торжество, а в следующую долю секунды она захлопнула дверь кабинки.

– Вы с ума сошли! – выкрикнул Сазонов, дернув дверь на себя. – Откройте сейчас же!

За дверью не было слышно ни звука.

Сазонов понял, что его провели, обставили, обвели вокруг пальца, как последнего лоха. Выходит, зря он подозревал Потапова, зря подозревал всех остальных – это Инна Михайловна, железная старуха, была тем самым объектом... и теперь она вывела его из игры...

Он бессильно застонал, подергал чертову дверь – но она даже не шелохнулась.

Звать на помощь?

Но это будет выглядеть глупо, нелепо, смешно... в конце концов, непрофессионально...

А, черт с ним! До того ли сейчас?

Сазонов принялся колотить в дверь кулаками, заорал что было мочи:

– Есть тут кто-нибудь? Откройте! Выпустите меня!

Но никто ему не открыл, никто не ответил. Единственным очевидным результатом его усилий было то, что по лицу и по шее обильно заструился пот.

Сазонов сбросил пиджак, расстегнул верхние пуговицы рубашки – но это не помогло, ему становилось жарче и жарче.

И тут он взглянул на градусник.

Чертов прибор показывал пятьдесят градусов. Еще бы ему не было жарко! Ну да, это же сауна...

Сазонов стянул рубашку, прилипавшую к телу, еще несколько раз ударил по двери и снова взглянул на градусник...

На нем было уже пятьдесят семь. И ртуть ползла все выше и выше. Медленно и неуклонно.

И тут до него дошла ужасная правда.

Подлая старуха не просто заперла его здесь – она еще включила сауну, чтобы изжарить его заживо...

Господи, это же надо так влипнуть!

Так, главное – не паниковать... в критической ситуации нет ничего хуже и опаснее паники.

В конце концов, это сауна, а не крематорий. В прежние времена Сазонов и сам любил попариться и доводил температуру в сауне до ста градусов, а то и больше...

Да, но при такой температуре он находился недолго, и он был спокоен. А тут дверь заперта, и ему придется провести

здесь неизвестно сколько времени.

Сазонов не хотел смотреть на градусник – но глаза сами скользнули влево.

Шестьдесят четыре. И ртуть быстро ползет вверх.

Самое главное – успокоиться. Взять себя в руки. И опуститься как можно ниже – самый горячий воздух под потолком.

Сазонов сел на пол, скрестив ноги, как заправский йог, и стараясь дышать медленно и глубоко. Взгляд без разрешения, сам собой скользнул к градуснику.

Семьдесят два.

Без паники. Только без паники. Сюда непременно кто-нибудь зайдет... зайдет и выпустит его...

Да, но для этого нужно, чтобы его слышали.

Сазонов снова крикнул:

– Эй, кто-нибудь! Выпустите меня!

Собственный голос показался ему слабым, измученным, едва слышным.

Затравленный взгляд на градусник.

Восемьдесят четыре.

Дышать становилось все труднее, перед глазами заплясали цветные пятна, потом в глазах начало темнеть.

– Помогите!

Девяносто.

Сазонов лег на пол. Внизу воздух должен быть прохладнее – но он этого не почувствовал. Зато в голове мелькнула

паническая мысль, что лежа он быстрее потеряет сознание, а тогда...

Было в его теперешнем положении и одно преимущество: снизу он не видел цифры на градуснике.

Нет, сдаваться нельзя. Он попытался снова сесть, но сил не было даже на это.

И тут за дверью послышался какой-то тихий, неуверенный, скребущийся звук.

Сазонов не поверил в него, подумал, что от жары и удушья начались галлюцинации. Но звук повторился, а потом раздался негромкий, неуверенный голос:

– Вы тут?

– Тут, тут! – прохрипел Сазонов, приподнимаясь из последних сил.

– Черт, никак не открыть... еще секундочку... ну, кажется, получилось...

Дверь кабинки распахнулась, и в легкие Сазонова хлынул свежий, благодатный, прохладный воздух. Он пополз навстречу этому воздуху, увидел перед собой женские ноги. Ноги были красивые. Затем над ним склонилось озабоченное лицо с круглыми глазами, и озабоченный голос проговорил:

– Ну, как вы?

Жизнь понемногу возвращалась к Сазонову. Он начал воспринимать окружающий мир во всей его полноте – и первым делом осознал, что лежит на кафельном полу, а над ним

стоит, склонившись, Марианна. Та самая навязчивая, вездесущая, невыносимая Марианна, которая не давала ему прохода.

Сейчас он был этому несказанно рад, он готов был целовать Марианне ноги... которые, кстати, весьма и весьма ничего... он посмотрел, чтобы убедиться, но ноги были прикрыты длинным халатом. Наверно, ему показалось насчет ног. Надо же, целовать...

Эта нелепая идея окончательно отрезвила Сазонова. Он встал, покачиваясь, и сверху вниз взглянул на свою спасительницу.

– Только не спрашивайте, как я здесь оказался! – проговорил Сазонов, утирая пот рукавом ее халата.

– А я и не собираюсь, – ответила Марианна. – Я и так знаю.

– Знаете? – удивленно переспросил Сазонов.

После перенесенного стресса он соображал еще плохо, но все же это не укладывалось у него в голове...

– Потом, потом! – отмахнулась Марианна. – Сейчас некогда, сейчас у нас очень срочное дело...

– Срочное дело? – переспросил Сазонов, все еще медленно соображая.

– Ну да, это же старуха вас заперла! Ну, эта... которая купается. Инна Михайловна.

– Ну да...

– Значит, ей именно сейчас нужно было вас изолировать. Значит, наступил тот самый момент...

– Тот самый момент? – снова переспросил Сазонов. – Что вы об этом знаете? Да кто вы вообще такая?

– Некогда, некогда! – отмахнулась от него Марианна. – Нужно перехватить старуху, пока не поздно... вы вообще как себя чувствуете? Можете работать?

– Нормально я себя чувствую! – проворчал Сазонов. – Но вот вы... откуда вы знаете?

– Ну так не будем терять время!

И Марианна бросилась на улицу, прочь из процедурного корпуса. Сазонову ничего не осталось, как последовать за ней.

До жилого корпуса они не успели дойти – Инна Михайловна величественно шествовала к морю в своем неизменном темно-красном купальном халате.

Сазонов подскочил к ней слева, Марианна – справа.

– Купаться идете? – проговорил Сазонов вполголоса.

– Вы? – Инна Михайловна взглянула на него удивленно, в ее глазах промелькнул испуг, но она тут же взяла себя в руки.

– Да, я, – усмехнулся Сазонов. – А что – картина называется «Не ждали»? Думали, что я уже сварился?

– Не понимаю, о чем это вы! – фыркнула Инна Михайловна и попыталась обойти Сазонова. Он деликатно, но сильно взял ее за локоть.

– Что вы себе позволяете? – старуха повысила голос. – С виду – такой приличный молодой человек!

– Я и был приличный, пока вы меня не заперли в сауне

и не попытались сварить заживо. После этого я очень изменился. Можно сказать, стал другим человеком.

– Я вас заперла? Что вы говорите? Наверное, это получилось случайно. Я готова принести вам свои извинения. А сейчас отпустите меня! Отпустите немедленно!

– Что – вода остывает? – усмехнулся Сазонов. – Вы же обычно купаетесь по утрам до завтрака? На полный желудок вредно, сами говорили!

– Вам-то какое дело!

– Вы тоже с виду такая приличная пожилая дама, а на самом деле...

– Да что вам от меня нужно?

– Поговорить. Но разговор у нас будет долгий и очень серьезный, так что лучше пройдем в ваш номер, чтобы не привлекать лишнее внимание.

– Не хочу с вами ни о чем разговаривать!

– А придется! – и Сазонов потянул женщину к жилому корпусу.

Инна Михайловна повернулась к Марианне и жалобно проговорила:

– Девушка, но вы-то...

– Молчать! – рявкнула на нее Марианна. – Это он такой мягкий, а со мной шутки плохи!

Инна Михайловна понурилась и послушно поплелась между двумя сопровождающими. Они вошли в корпус, поднялись на второй этаж, вошли в номер.

– Ну, и что теперь? – проговорила Инна Михайловна, когда Сазонов закрыл дверь ее номера.

– А теперь все зависит от вас! – отчеканил Сазонов. – Либо вы все нам рассказываете...

– И отдаете Будду! – выпалила Марианна.

Сазонов покосился на нее.

Ну откуда она все знает? Кто она вообще такая? Ладно, сейчас не время разбираться...

– Ничего не знаю! – отрезала Инна Михайловна.

– Не знаете? – процедил Сазонов, сверля ее взглядом.

– Вы его заперли в сауне... – начала Марианна.

– Случайно! – перебила ее старуха. – В моем возрасте трудно контролировать свои действия!

– Дайте же мне договорить! – повысила голос Марианна. – Вы его заперли не просто так. Значит, вам именно сейчас нужно было его обезвредить. Значит, именно сегодня, именно сейчас должен приехать покупатель.

– Какой еще покупатель? – в голосе Инны Михайловны прозвучал испуг.

– Покупатель, для которого вы украли из музея Золотого Будду! – отчеканил Сазонов, сверля старуху взглядом. – Маленькую, но бесценную индийскую статуэтку эпохи Великих Моголов!

– Не знаю, о чем вы говорите!

– Очень даже знаете!

– Откуда?

– Статуэтка украдена две недели назад. А неделю назад нам удалось перехватить электронное письмо, отправленное с неизвестного адреса крупному французскому торговцу антиквариатом, о котором поговаривают, что он нередко переступает черту закона. Отправитель письма предлагал торговцу приехать, чтобы купить Золотого Будду. К письму была приложена фотография статуэтки на фоне свежей газеты, подтверждающая, что Будда находится у отправителя письма. Вычислить отправителя мы не смогли, но из письма узнали, что встреча состоится здесь, в этой санатории на берегу Финского залива. И вот я поселился здесь, чтобы помешать сделке и перехватить статуэтку...

– Да кто вы такой? Полицейский?

– Я не полицейский. Я – детектив страховой компании, которая застраховала эту статуэтку. Поэтому я – ваша последняя надежда. Если вы добровольно отдадите мне статуэтку – я, может быть, дам вам час времени, и только после этого вызову полицию.

– За кого вы меня принимаете? – фыркнула женщина. – Чтобы я своими руками... ищите свою статуэтку! – она обвела комнату взглядом. – Найдете – тогда у нас будет предмет для разговора, а иначе... убирайтесь из моего номера, или я позову администрацию!

– Не позовете! – подала голос Марианна. – Не посмеете! Ну что – обобщем номер?

– Это ничего не даст... – протянул Сазонов. – Она слиш-

ком в себе уверена... статуэтка не здесь...

Инна Михайловна выглянула в окно. Лицо ее напряглось. Сазонов проследил за ее взглядом и увидел подъехавшую к санаторию солидную черную машину.

– Ага... – протянул он, – покупатель пожаловал!

Он переглянулся с Марианной. Та прищурилась и проговорила:

– У меня возникло срочное дело. Я вас покину буквально на минуту. Вы здесь пока не скучайте!

Она выскочила в коридор, спустилась по лестнице и подошла к стойке ресепшен. Перед стойкой стоял высокий седовласый господин. С едва заметным акцентом он обращался к Лизавете:

– Я хотел бы найти госпожу Горностаеву...

– Инну Михайловну? – угодливо прощebetала Лизавета и тут увидела Марианну. – Марианночка, вы всегда все знаете. Где у нас Инна Михайловна, не видели?

– Инна Михайловна? – Марианна округлила глаза. – Как, разве вы не в курсе? Приступ у нее сердечный! Лежит, лежит у себя в номере. Лекарства уже приняла, пока не помогло, врача ждем, а если что – «Скорую» вызовем...

– Как? Приступ? – всполошилась Лизавета.

Она повернулась к седовласому господину, но того уже и след простыл. Из-за двери донеслось негромкое фырканье отъезжающей машины.

Марианна переглянулась с Лизаветой и устремилась об-

ратно в номер Инны Михайловны.

– Ну что, – проговорил, увидев ее, Сазонов, – покупатель уехал... вон его машина выезжает с парковки!

– И чего вы теперь от меня хотите? – процедила Инна Михайловна.

– Отдайте статуэтку – и я вам дам час времени...

– А иначе – что? Вам мне нечего предъявить!

– А попытка убийства? – напомнила Марианна.

– Ой, не смешите меня! Какая попытка? Я – человек пожилой, не всегда отдаю себе отчет в своих действиях... иногда что-нибудь скажу или сделаю, а потом пытаюсь понять, что мной руководило... увидела незапертую дверь – и заперла... Все-таки возраст дает о себе знать...

– Ага, возраст! – усмехнулся Сазонов. – Трудно поверить! Здоровье бережете, на диете сидите, от инфаркта бегаєте, по утрам в ледяной воде купаетесь! Вы – железная женщина!

Тут у него в глазах вспыхнула свежая мысль. Он взглянул на Инну Михайловну.

– Не зря вы каждое утро купались – а сегодня отправились к морю в другое время, как раз перед приездом покупателя! Марианна, постереги ее полчаса! Глаз с нее не спускай!

– Уж как-нибудь... – обиделась Марианна, но Сазонова уже и след простыл.

Он подошел к краю пляжа в том самом месте, где обычно купалась Инна Михайловна, бросил на песок полотенце, разделся и шагнул в воду. Ноги обожгло, как будто он вошел

в кипяток. Он закусил губу и решительно пошел вперед.

У берега вода была мелкая, и он шел довольно бодро, но потом стало чуть глубже, и от ледяной воды перехватило дыхание. Ноги начали неметь. Сазонов шел, глядя себе под ноги, и с каждым шагом надежда на успех уменьшалась. Если Инна Михайловна спрятала статуэтку в воде – черта с два он ее найдет. Придется вызывать подмогу, перелопачивать дно у берега, это привлечет внимание посторонних... ох, как нехорошо!

С другой стороны, она должна была спрятать статуэтку так, чтобы ей самой легко было ее найти. Значит, должна быть какая-то примета... а может, он вообще ошибается, и статуэтки здесь нет?

Вода стала еще глубже. Ноги ломило от холода. И тут Сазонов увидел впереди выступающий из воды камень.

Сазонов огляделся. Этот камень был единственным приметным предметом, выступающим над поверхностью воды. Не случайно именно здесь каждое утро купалась Инна Михайловна. Наверняка первый раз она спрятала здесь Будду, а потом купалась просто так, чтобы все к этому привыкли и не обратили внимания, когда она пойдет сюда сегодня, чтобы забрать статуэтку.

Все это выглядело вполне логично, но Сазонов все равно волновался, когда подошел к камню, наклонился и начал обшаривать его со всех сторон. Зато от волнения он перестал чувствовать холод.

Он обшарил камень, запустил руки под него – и наконец нащупал в углублении под камнем какой-то небольшой твердый предмет. Вытащил его и увидел продолговатый сверток в непромокаемой обертке. Сверток был увесистый.

Сазонову очень хотелось тут же развернуть его и проверить, но он покосился на берег, на корпуса санатория – и представил, сколько глаз за ним сейчас наблюдает. Поэтому он не стал разворачивать свою находку и быстро пошлепал к берегу.

Теперь он почувствовал, как промерз. Выйдя на берег, наскоро растерся полотенцем, завернул в это же полотенце свою находку и припустил к жилому корпусу.

Сперва он бросился в свой номер, чтобы согреться и переодеться. Открыл дверь карточкой, шагнул внутрь... и попятился.

Возле окна спиной ко входу стоял широкоплечий, немного сутулый мужчина. В его облике что-то показалось Сазонову знакомым. Мужчина повернулся, и Сазонов облегченно вздохнул: он узнал своего шефа, Михаила Сергеевича, или просто Сергеича, как они называли его между собой.

– Это вы! – облегченно выдохнул Сазонов.

– А ты кого ждал? – усмехнулся шеф. – Ну что – нашел?

– Вот он – Золотой Будда! – Сазонов развернул полотенце и поставил на стол золотую статуэтку.

И только сейчас разглядел ее.

То есть он, конечно, видел многочисленные фотографии, но никакие фотографии не передавали исходящее от статуэтки чувство покоя и умиротворения. Что уж говорить – чувство величия. Сазонову, кажется, даже стало теплее.

– Вот он какой! – повторил Сазонов с новым чувством.

– Молодец! – ответил шеф и ласково погладил статуэтку, как будто к ней и относилась его похвала, но тут же уточнил: – Не подвел, Сазонов! Ну, я в тебе и не сомневался!

– Извините, Михаил Сергеевич, я в ванную ненадолго... – Сазонов снова почувствовал холод, проникший в каждую клетку тела. – Замерз, как собака...

– Иди, конечно иди!

Сазонов встал под струи душа и выкрутил горячую воду на максимум, пока возможно было терпеть. Холод ушел из тела, но он еще какое-то время стоял под душем. Наконец вспомнил, что шеф не любит ждать, растерся полотенцем, накинул халат и вышел из ванной.

Шеф сидел в кресле.

– А что со старухой? – спросил Сазонов, вытирая волосы.

– А что с ней? – переспросил шеф. – Мне главное – статуэтку вернуть, чтобы у компании не было неприятностей. А со старухой пускай полиция разбирается. Ей вроде плохо, сердце прихватило...

– Не верьте ей! Она такая артистка – мама не горюй!

– Ну, тем более – пускай полиция с ней возится, а может, и вообще не нужно ничего, там, в музее сказали – им шум

ни к чему.

Тут Сазонов заметил, что, пока он был в ванной, в номере появилась какая-то девица. Она сидела тихо и смотрела в окно.

– Ну, Сазонов, ну герой! – преувеличенно громко восхищался шеф. – Ну, в воде не горишь и в огне не тонешь! То есть тьфу! – шеф махнул рукой и рассмеялся. – Ну, не подвел, ну как всегда не подвел, не зря мы в тебя верили...

Сазонов слегка напрягся, все в их компании знали, что если шеф начинает употреблять в разговоре местоимение «мы» вместо обычного «я», значит, рыльце у него в пушку, и он задумал какой-то подвох.

Сазонов выпрямился и уставился на шефа, сложив руки на груди.

– Ну ладно-ладно, – шеф примирительно улыбнулся, – ну, знаю твои условия, знаю, что ты всегда работаешь только один, без напарников. Ну тут такое дело, ценность-то какая! Можно сказать, судьба компании на кону. Если что не так пошло бы – нам вовек не расплатиться! А тут ты со своим гонором. Ну мы и решили подстраховать тебя, вон познакомься, новый сотрудник у нас, Скворцова Марианна. Пока на испытательном сроке была, но теперь уж точно в штат возьмем...

– Марианна? – Сазонов обалдело развел руками и еле успел подхватить развязавшийся некстати пояс халата. Девушка отвернулась от окна и встала. Куда подевалась коре-

настоящая фигура и явно лишней вес, где совиные глаза и фигура на затылке?

Волосы были длинные, свободно спускавшиеся на половину спины. Поймав его взгляд, она чуть заметно усмехнулась, склонила голову набок, вытаращила глаза и округлила рот.

– Она? – довольно засмеялся шеф. – Вот какие кадры! Ладно, ребята, вы уж тут разбирайтесь, отношения выясняйте, а я поеду. Дай господи эту штуку до музея довести, да и с плеч долой!

Дверь закрылась, и Сазонов почувствовал, что краснеет. Стоит тут под ее насмешливым взглядом в халате, как полный дурак.

– Вы молодец, – выдавил он наконец из себя, – очень мне помогли.

– Но я никогда не догадалась бы, что она спрятала статуетку в море! – вздохнула Марианна.

«Нарочно льстит», – тут же понял Сазонов, но отчего-то стало приятно.

– Ну что, собираемся и едем отсюда! – сказал он. – Осточертел этот санаторий мне, а вам?

– Да уж... – согласилась она, – но... Андрей Палыч, не считите меня навязчивой, но мне бы очень хотелось и дальше работать с вами...

«Да ни за что!» – подумал Сазонов, но поглядел ей в глаза и сказал:

– Там посмотрим...

Евгения Михайлова

Морской козел

Несчастье было таким жестоким, таким непоправимым, что оно просто придавило Артемия Петровича. Он уже не первый час полулежал на диване, хватая воздух открытым ртом. Он видел себя со стороны, знал, что похож на большую, белую, умирающую на суше рыбу, и не мог даже шевельнуть рукой для собственного спасения. Вот она, смерть в одиночестве. Артемий всегда понимал, как это страшно. Но теперь, в этот черный беспросветный миг, он приветствовал свое одиночество. Никого не хотел бы он видеть сейчас рядом с собой. И не нужен ему пресловутый стакан с водой.

Несчастье, которое его убивало, называлось унижением. Он бы предпочел сгореть заживо на костре, только не это. Не издевательское, садистское, предательское истребление всего, чем он жил. Не взрыв, который разнес в клочья его иллюзии. Артемий никогда не допускал сомнений в своей исключительности. Его жизнь, по сути, – это поиск подтверждений. Он их находил! Подтверждения были произнесены, были написаны на бумаге. Они были правдой! И все завалено, задавлено парой чудовищных, преступных фраз. И горше всего то, что он поверил именно этим фразам. Прекрасной руке, которая их написала.

Он сумел изменить позу, скрючиться между диванными подушками. Боль была острой и нестерпимой. Но вздохнуть удалось. Значит, это не сердце, не инфаркт. Значит, это душа. Душа материальна, раз так страшно болит, как будто ее режут скальпелем без наркоза.

Он добрался до ванной и понял, что лежал на диване, умирая, вечер и полночи. Вспышка яркого светильника у зеркала обожгла слизистую глаз. Артемий смотрел сожженными глазами на отражение седого, мятого и жалкого старика. Он думал, что ничего ужаснее в жизни не видел. Этот богатый старик – нищее ничтожество. Он – посмешище. Он – повод для грубой шутки той, в ком наконец нашел идеал. Над ним надругалась, его растоптала и отбросила со смехом ногой та, которой он готов был служить на коленях. Та, в которую он вложил все свои надежды и свою последнюю страсть.

Артемий Гусаров был писателем. У него выходили красиво изданные, дорогие книги, его узнавали по портретам. О нем печатали длинные хвалебные рецензии серьезные критики с именами. Артемий вел переговоры с продюсерами и режиссерами об экранизациях. Были даже ролики с голливудским, очень известным продюсером, который говорил: «Гусаров – это будет бомба в кино». Проходили годы и десятилетия, но обещанной бомбы все не было.

Это и не бывает просто, понимал Артемий. Надо работать. Надо встречаться, объяснять, рассказывать. Надо, наконец, чтобы его романы прочитали по-настоящему професси-

ональные люди со вкусом и способностью понять чужую богатую душу. Душу гения. Артемий давно уже сказал себе это слово. Иначе ведь и не назовешь творца, который не может не общаться с миром с помощью таких произведений. Каких? Таких, которые будут окончательно поняты не сегодня. Они прозвучат и через века. А пока на их пути мелкая человеческая суета, низменные интересы, заказы, авансы, корысть тех, кто понимает ценность культуры лишь в суммах прописью...

И Гусаров щедро платил. За свои интервью в газетах, за портреты, за обещания продюсеров, за издания и переиздания книг в разных странах. Он начал издаваться, будучи богатым человеком. И был уверен, что каждую минуту приближает свой формат существования. Известность и богатство – это уже есть. А впереди вкус настоящей славы. И в качестве бонуса – прекрасная, идеальная спутница жизни, которая оценит его гений совершенно бескорыстно. Она просто полюбит. Она не сможет не ответить на его призыв, когда он найдет такую женщину.

До сих пор идеальный женский образ существовал лишь в его произведениях. А по жизни прошлись склочные, жадные бабы, которые семьей считали ежедневную пошлую торговлю. Они вырастили его дочерей своими подобиями.

Артемий до боли сжал веки. Он понял, что не может больше смотреть на себя. Что не сможет раздеться и увидеть дряблкое, обвисшее тело. Тело никому не нужного, забрако-

ванного, заклеянного мужчины. Тело козла.

Он добирался до кровати, держась за стены. В темноте лег в одежде поверх покрывала. Провалился то ли в обморок, то ли в тошнотворное забытие, в просветах призывал ночь, чтобы послала поток свежего воздуха. Ему казалось, что он задохнется от собственного нечистого запаха. И ночь сжалась. Ночь послала... Тот самый день.

Артемий очень хорошо выглядел в тот день. Парикмахер в гостинице Иерусалима красиво уложил его богатую серебряную гриву. Его светло-карие глаза сияли в зеркале, как на самых лучших портретах. Это был взгляд мудрого человека, который любит и понимает всех людей, а сам даже не претендует на понимание. Его устраивает его положение непонятого гения, которого каждому только предстоит узнать и понять. Белая рубашка и бежевые брюки отлично сидели на крупной, статной фигуре. Он всего несколько дней в стране, побывал на двух пляжах, а морской воздух уже позолотил его кожу.

Артемий приехал на книжную ярмарку Иерусалима. Организаторы его отлично встретили. Его книги занимали почетное место. У стенда постоянно толпились журналисты. Артемий такие мероприятия никогда не пускал на самотек. Он шел легкой, энергичной походкой, улыбался знакомым. Подписывал желающим авторские экземпляры своих книг. Он всегда дарил книги, не допуская, чтобы читатели покупали их.

Эту женщину он заметил, когда вошел в маленькое кафе выпить кофе. Хрупкая, нежная, с прекрасным лицом, которое показалось ему знакомым. Он так ей и сказал, остановившись у столика, за которым она пила воду со льдом.

– Я не мог вас где-то видеть? – И представился: – Артемий Гусаров, писатель.

– Меня вряд ли, – улыбнулась женщина. – А мои фотографии могли видеть на книжной ярмарке. Как я видела ваши. Меня зовут Кристина. Кристина Карева, вряд ли вы слышали это имя. Я пишу скромные дамские романы. И читают их только женщины. В основном домохозяйки.

Артемий опустился рядом с ней за столик. На самом деле он просто пал, поверженный. Он мог бы придумать такой женский образ. А написать бы побоялся, так это было нерально. И просто не может быть, что такая женщина встретила его в этом маленьком кафе, в этом жарком и благоуханном городе, на пороге его будущих громких триумфов. В этом месте они казались такими очевидными.

Вечером они гуляли по городу. Затем пили кофе в его номере. Артемий не узнавал себя. Он не говорил о себе, он расспрашивал о ней. И все, что говорила Кристина, казалось ему откровением. Он попросил ее рассказать содержание хотя бы одного ее романа и почувствовал, как слезы потрясения, изумления закипели у него в глазах. Ее сюжеты были очень женские, и звучали они пронзительно по-женски, а в его сердце это нашло острый и щемящий отклик. А

сама Кристина... Она нравилась ему так отчаянно, бешено, нестерпимо, что он боялся лишнего слова и вздоха, чтобы не выдать себя и не отпугнуть ее. И слышал, как будто со стороны, свой робкий голос, свои корявые слова, каких никогда вроде не произносил. Он говорил: «Я вас по-дружески уважаю, я вами профессионально восхищаюсь, я готов вас на коленях по-дружески благодарить за искренность и внимание ко мне».

Кристина уехала на такси с пакетом его подарочных изданий. Артемий даже не решился ничего написать над автографом. Он и автограф не поставил. Просто написал школьным почерком: «Гусаров».

Ночью Артемий пролетел свою мужскую жизнь в обратном направлении – к точке, с которой она начиналась. Он ворвался в тот незабываемый, чистый и беспощадный огонь.

Свою раннюю юность Артемий преодолевал в строгой, пуританской семье. В такой семье детям не говорят правду о том, как они появились на свет. Тайна отношений родителей за семью печатями. Муки собственной плоти, очень долго не понятые, не расшифрованные, застали Артемия врасплох. Ему не с кем было этим поделиться. Его тело рвалось на части, сердце билось на пределе, а он даже не знал, чего именно хочет. Он не знал, как называется то, что с ним происходит. Почему его бросает в жар при виде колена соседки. Обычной тетки, которая еще вчера была ничем не примечательна. Почему он взмокает до нитки, налетев на девочку.

ку-одноклассницу, которую недавно даже не замечал. А по ночам он пылал и мечтал. Он страдал и находил в том высшее счастье.

Юный Артемий влюблялся в собирательный женский образ из чужих книг. Его первым опытом любви были, пожалуй, эротические сны с бесплотными видениями. Они мало общего имели с живыми женщинами, которых он встречал. Наверное, именно так он и поверил в свой талант: воображение помогало ему преодолеть контраст между тем, о чем он мечтал, и тем, что получал. Где-то в этом постоянном раздвоении и родилось представление об особой миссии, о собственной уникальности, о том, что результат должен готовить ты сам. Это твоя работа.

И Артемий строил свое здание будущего неумолимо. Фундамент – деньги, это было яснее всего. Он вошел в бизнес, скрывая от всех, что это абсолютно неприемлемый для него способ существования. Просто в жизни все так грубо. Жизнь в принципе приспособлена только для грубых людей. И он должен ее обмануть. Что-то захватить, урвать ради только ему понятных высоких целей. Юношеский тайный восторг и трепет стали горько-сладким прошлым. А по жизни Артемий встречал обычных женщин, попадал в тюрьму неудачных браков и приходил к выводу о том, что только гениям и даны несбыточные мечты о страсти к идеалу. И посылаются они свыше тем, кому суждено оставить миру бессмертные творения.

И в ночь после встречи с Кристиной все прежние желания вернулись. Вернулись в самом немыслимом варианте. Он встретил тот идеал, ту мечту мальчика-мужчины, которой просто не могло быть на грубой и некрасивой земле. Но он встретил ее! И в этом не могло быть сомнений. Такой страсти, какую он в эту ночь испытал, вспоминая ее взгляд, ее губы, прядь волос, – такой страсти он не мог себе даже представить. Видеть перед собой в темноте ее грудь под закрытой блузкой, ногу под шелковой юбкой было высшей мукой и высшим наслаждением. Артемий даже боялся представить себе наготу Кристины. Его сердце могло бы разорваться.

А в эту ночь он видел только взрыв. Все взорвалось – тот день, те мечты, слова и встречи. Остался он один под пеплом и обломками.

Тогда, в Иерусалиме, журналистка Лена Чернова допоздна работала на книжной ярмарке, записывала интервью с авторами. Потом решила позвонить своей приятельнице – автору дамских романов, чтобы выпить с ней кофе и обсудить сегодняшний день.

– Кристина, не спишь? Ты что! Что с тобой? Ты плачешь?

– Рыдаю, – еле сумела выговорить Кристина. – Ты далеко?

Заходи ко мне.

Когда Лена влетела в номер подруги, та шагнула к ней навстречу – красная, растрепанная, с залитым слезами лицом... Лена не успела испугаться. Кристина сползла по стен-

ке на пол, простонала «ой, не могу», и через мгновение они обе, сидя рядом, хохотали до икоты. Кристина умела очень заразительно смеяться, она была так смешлива, что выходила из этого приступа с трудом.

Когда они добрались до комнаты, Кристина, пытаясь вернуться в нормальное состояние, посадила Лену в кресло и показала ей стопку красиво изданных книг. Одна книга была открыта.

– Ты Гусарова читала? – спросила она Лену.

– Нет. Видела, конечно, но как-то руки не доходили. Так плохо?

– Так хорошо! Так невысказанно, невероятно чудесно. Никакой пародист так над человеком не поиздевается, как он сам. Но он пишет всерьез. Понимаешь, он пишет шедевры! Какими себе их представляет. Прочитай этот абзац.

– Боже, – простонала Лена, пробежав глазами страницу. – Ты уверена, что он это пишет всерьез?

– Сто процентов. И больше.

– Какой козел. Он идиот?

– Да нет. Он милый, трепетный и доброжелательный дядечка. Такой Санта-Клаус с белыми кудрями. У него просто что-то с мозгами. Они у него, как будто у младенца, который набрался взрослых глупостей. Дай я тебе еще кое-что прочитаю... Ой, не могу. Я помираю, Лена. Дай мне воды, а еще лучше – вина. Я насмеялась сегодня на целый год. Надо это отметить.

Такая странная встреча случилась на книжной ярмарке в Иерусалиме. Мужчина нашел свою судьбу, а женщина даже не поняла, в какую нелепую ситуацию попала. И ей не удалось оставить это событие в качестве забавного эпизода в сюжете своей жизни.

...Утром обессиленный Артемий так и не дошел до ванной, так и не поел, не попил. Он отказался от мысли позвонить своему врачу: как он объяснит причину ужасного недуга? Разве у этой болезни может быть название? Можно ли назначить лечение? Артемий позвонил своему агенту, юркому и услужливому пареньку двадцати пяти лет.

Дима Зимин не один год удачно подворачивался под руку щедрому, амбициозному и крайне наивному автору, который так выделялся на фоне прожженных профессионалов. Никому, кроме Артемия Гусарова, Дима не взялся бы развивать мысль о своей безграничной и бескорыстной преданности. Исключительно во имя результата, во имя продвижения шедевров, который мир должен открыть для себя, если хочет быть измененным в лучшую сторону. Когда Дима говорил эти кондовые слова растроганному Гусарову, тот даже не сообразил, что он вычитал все нужные слова в его же книгах и интервью. Гусаров даже не допустил такую мысль. Ему была ближе идея об общей волне, о счастливом совпадении интеллектов и целей. А тот факт, что юноша оставляет за собой только техническую роль подачи чужого творче-

ства, убеждал Гусарова в том, что Дима Зимин – подвижник. Личность, которая видит свое назначение в высшем служении гению. Это так благородно. И хотя Дима, разумеется, готов был все делать бесплатно, разве что за обед и ужин, Артемий постарался, чтобы мальчик ни в чем не нуждался. Он ведь ради него оставил работу в престижной редакции.

И был момент в их отношениях, когда Артемий, разочарованный полным безразличием своих дочерей, заговорил с Димой о завещании. Главным моментом в этой идее была судьба творческого наследия, конечно. Артемий не видел больше никого, кому это было бы важно. Ну, а солидное состояние, особняк и две квартиры просто прилагались. Юноше нужно на что-то и где-то жить, пока он пробьет толщу человеческого непонимания, продвигая шедевры своего кумира.

Этот разговор был как раз перед книжной ярмаркой в Иерусалиме. После возвращения в Москву Артемий тему не поднимал. Но как-то бросил вскользь, что у него немного изменились жизненные планы. Точнее, сильно изменились. Он нашел не просто соратника, но единомышленницу, которую хотел бы видеть самым близким человеком. Дима, что называется, проехал. Не выдал никакой реакции.

Этим страшным утром Дима Зимин примчался по звонку Гусарова в считанные минуты. Артемий снимал для него квартиру рядом.

– Что делать, Артемий Петрович? – встревожился и за-

суетился он. – Где ваши лекарства? Давайте я приготовлю еду. Скажите же, чем я могу вам помочь? На вас страшно смотреть. Почему вы не позвонили раньше? Человек в вашем возрасте может умереть только от переживаний. Неужели на вас так подействовало то, что я прислал?

– Да. Подействовало, Дима. И ты прав. Я действительно мог умереть. А позвал я тебя не для того, чтобы ты готовил мне завтрак. Дима, скажи мне правду. Это точно подлинная переписка? Извини, но я не верю. И я не знаю, возможно ли такое в принципе – просто взломать и прочитать чужую почту. Разве ты хакер? Тебе придется представить мне доказательства. Я даже подумал, что нужно привлечь к этому следствие...

– Вы точно заболели, – спокойно сказал Дима. – Привлечь следствие – это значит посадить меня, заявить на весь свет о том, что вы послали меня на преступление, что заплатили за взлом почты любимой женщины, известной писательницы, кстати. И пусть мое имя ничего не значит, но вы навсегда останетесь для мира не писателем, а обманутым интриганом, заказчиком.

– Какой ужас! Что ты говоришь? Что за слова, что за тон! Я не посылал тебя на преступление, я тебе за него не платил...

– Это пусть и проверяет следствие. Вы деньги мне переводите на карту. Позавчера перевели в два раза больше, чем обычно. Вот пусть они и решают...

– Мне плохо, Дима, кажется, я умираю. Позвони кому-то... Врачу, дочерям.

– Позвоню. А пока побуду с вами сам, подожду, может, бредовое состояние пройдет. Я захватил с собой успокоительные таблетки.

Кристина отдыхала третий день. Она как будто вернулась из тяжелой и напряженной командировки. Ее жизнь после книжной ярмарки в Иерусалиме превратилась в круглосуточную осаду и оборону. У милого Санта-Клауса с белыми кудрями совершенно не оказалось тормозов. В Москве Кристина стала просыпаться по его звонку. Работу у компьютера она начинала с разбора его писем – длинных, взбалмошных, наполненных нереальными планами и даже требованиями к ней. И все это перемешано с его восторгами по поводу ее таланта, красоты, женской исключительности.

Артемий был уверен, что Кристина разделяет все его взгляды, что она только и мечтает вписаться в его планы. Гусаров не сомневался, что ради него и его шедевров она бросит всю ту ерунду, которой занимается сама. А о самом главном для себя Артемий писал так неловко и так невинно, как будто он не мужчина с караваном жен и дочерей позади, а влюбленный и обезумевший от страсти подросток, который даже не знает подходящих, понятных женщине слов.

Кристина привыкла выходить по утрам с оглядкой, бежать к машине и молить бога, чтобы Артемий не выскочил из-за

угла с букетом цветов. Она ни в одной редакции, ни у себя в издательстве не была уверена, что Гусаров не появится. А по вечерам домой пробиралась огородами и партизанскими тропами, потому что самое ужасное – это наткнуться на Артемию у подъезда и путано объяснять, почему она не может его пригласить даже выпить стакан воды.

У Кристины была на исходе фантазия: к утру нужно сдать срочную работу, приехали деревенские родственники с грудными детьми, в квартире потоп и обвал, рабочие... Таким бредом ей пришлось спасаться после двух вечеров, в которые она не сумела отказать Гусарову.

Она встречалась с ним дважды, встречи длились не больше двух часов, и Кристина поняла, что третьего раза не будет. Легче умереть. С таким содроганием она вспоминала его невинно-сумасшедший взгляд, его пафосные восторги, капли пота на лбу и над губой, пухлую, вялую руку, которой он пытался до нее дотронуться. Он сам и пугался, и задыхался, и был близок...

Ох, да черт его знает, к чему он был близок! Кристина не чувствовала такого отвращения ни к кому. Такой вроде бы приятный и милый Санта-Клаус, но как же нужно уметь – прилипнуть к чужому человеку, чтобы тот не мог больше свободно дышать.

О том, чтобы что-то объяснить Артемию, – не могло быть и речи. Он слышал только себя. И Кристина выбрала самый щадящий вариант. Она согласилась на соавторство. Только

поставила условия. Получив его рукопись, она просто находит места, которые сумеет развить и продолжить. Она не правит и не рецензирует то, что он пишет. Но запрещает что-либо менять и в ее тексте. Она оставляет за собой право – в любой момент уйти из этой работы вместе со своими вставками.

Он принимал все ее условия с неизменным восторгом. Для него был огромным счастьем сам факт такого тандема, все остальное он уже додумывал в своих детских фантазиях: их общая слава, Нобелевка, Голливуд, миллиарды долларов потоком без конца. И разумеется, они уже никогда не расстанутся, связанные общей славой, работой и цепями душ и тел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.